

Универ

Как сделать плохой вуз, имея много денег и желания...

Высшее образование — пример относительного успеха правительственных реформаторов. Министерство образования и науки постепенно уничтожает плохие вузы и укрупняет хорошие. Пошли деньги. Реформы — не исключено, что радикальные, — будут продолжены при новом министре. Причем уже ясно, к чему они приведут, поскольку есть яркие примеры укрупнения и реформирования. Еще в 2006 году четыре вуза Ростовской области объединились в Южный федеральный университет (ЮФУ), который стал одним из самых крупных учебных заведений страны и образцом для создания других федеральных университетов. Корреспондент «РР» отправился в Ростов-на-Дону, чтобы описать и проанализировать этот эксперимент.

Улица 1-я Деловая, улица 2-я Деловая, улица Правовая, улица Стабильная, Гражданская улица, Патриотическая улица, переулок Зрелый... Заглядывая в карту, я брожу по Западному району Ростова-на-Дону и пытаюсь найти университетский городок. По идее кампус — это нечто заметное, мимо не пройдешь.

Южный федеральный университет — один из самых больших в стране и в мире. В нем учатся 43 тысячи студентов. Для сравнения: в МГУ — 38 тысяч, в Гарварде — 21 тысяча, в Оксфорде — 20 тысяч, в Массачусетском технологическом институте — 11 тысяч.

Вроде бы я уже нахожусь на университетской территории, но пока обнаруживаю лишь рынок «Привоз». За ним — уличная пивная. Дальше — заброшенный парк, мечта маньяка: среди акаций и прочей растительности разбросаны какие-то развалины, заборы с отвалившимися воротами, промышленные свалки, гаражи.

За деревьями вижу, наконец, сооружение, напоминающее корпус научного института. На крыше установлена здоровенная антенна, которая свидетельствует о том, что обитатели здания могут вступать в прямую связь с космосом. Рядом со входом свалены плиты бетона. Судя по обилию трещин, они лежат здесь лет тридцать. Над всем этим вывеска «Южный федеральный университет. Факультет высоких технологий». А вокруг ни души. Только собаки.

Согласно отчету, все хорошо

Формально Южный федеральный университет очень хороший. Перед тем как отправиться в командировку в Ростов, я проштудировал отчет ректора за 2011 год. Это фундаментальный труд на 350 страниц, почти роман. Если верить этому документу, все, что можно, неуклонно развивается, улучшает показатели и совершенствует качество. Я тыкаю наугад:

«Разработаны электронные учебные пособия, в том числе “Технологическое измерение политических ошибок”...»

«Оборудована учебная телевизионная студия на факультете филологии и журналистики...»

«Модернизированы 140 магистерских программ по 21 приоритетному направлению научно-образовательной деятельности...»

«Подготовлен и издан буклет магистерских программ на английском языке тиражом 150 экз. для распространения информации об образовательных возможностях университета, что приведет к увеличению числа иностранных учащихся и повышению узнаваемости бренда ЮФУ в мире...».

Университет кажется вполне положительным и по оценкам со стороны. В национальном рейтинге, который составляет «Интерфакс», ЮФУ в 2011 году разделил 7–8-е места с Новосибирским государственным университетом. Круче только столичные вузы — МГУ, РУДН, МГТУ, МИФИ, МФТИ и СПбГУ.

Да и «Русский репортер» не раз писал о достижениях ростовских ученых. Был, например, большой репортаж из Института нейрокибернетики, входящего в ЮФУ. Там одними из первых в стране создали шутовину,

позволяющую силой мысли управлять компьютером (см. «Шевелить извилинами» в № 29 от 29 июля 2009 года). Публиковали мы и интервью с ростовским психологом Владимиром Шкуратовым, чья книга по исторической психологии — зелененькая такая — есть в каждом приличном доме (см. № 21 от 1 июня 2011 года).

Здесь есть действительно замечательные ученые. У здешнего химика Владимира Минкина какой-то запредельный индекс международной цитируемости — 8654, вполне сопоставимый с индексом нобелевского лауреата Жореса Алферова (у того чуть больше 12 000). Или Программа междисциплинарного индивидуального гуманитарного образования, МИГО. Очень приятные и очень интеллигентные люди делают действительно концептуальный проект.

Вроде все хорошо. Можно говорить об успехе. Южный федеральный университет справляется с задачами, поставленными правительством, а его опыт может служить примером для дальнейшего реформирования высшего образования. Как-то так.

Я пробыл в Ростове неделю. За это время успел пообщаться с десятками людей, имеющих отношение к ЮФУ: ужинал в компании ректора и двух десятков деканов, обедал в студенческой столовой, помогал приемной комиссии, беседовал с профессорами, выпускниками и студентами. Я внимал логике математиков, историков, дизайнеров, педагогов, архитекторов, художников, физиков, филологов, психологов, биологов. И с каждым днем у меня усиливалось ощущение, что с университетом происходит что-то не то.

Финалом стал разговор с одной из преподавательниц, которая долго жаловалась на условия работы, а в конце огляделась по сторонам и произнесла:

— Если по-хорошему, то университет надо закрывать к черту!

Очень большой и очень федеральный

— Когда создавался ЮФУ, это воспринималось на ура. Мы думали, что теперь университет будет жить в контакте с внешним миром, что нам будет чем привлекать студентов. Но многие красивые идеи ушли в песок, — рассказывает Владимир Козлов, главный редактор «Эксперт Юг» и преподаватель ЮФУ.

Южный федеральный университет появился по решению российского правительства шесть лет назад. Идея была такая: соединить разные вузы и научные институты, чтобы получился большой и сильный университет.

Ростов согласился. Дальше пошли переговоры. Это в чем-то напоминало создание Соединенных Штатов Америки: во имя единства и борьбы с общими врагами нужно было пожертвовать частью независимости. Кто-то согласился, кто-то — нет. В итоге в Южный федеральный объединились четыре вуза: Ростовский государственный университет, Ростовский педагогический университет, Академия архитектуры и искусств и Таганрогский технологический институт. С учетом многочисленных филиалов, разбросанных по всему Югу России, получился эдакий образовательный монстр регионального масштаба.

ЮФУ и Сибирский федеральный университет в Красноярске были первыми получившими такой статус. Появление новой сущности подразумевало серьезные финансовые вливания. В 2007 году университет получил на развитие 3 миллиарда рублей. Потом еще несколько миллиардов. Деньги, сопоставимые с бюджетом крупного города.

Миллиарды для торжества образования и науки

«3,14 миллиарда рублей израсходовал Южный федеральный университет на нечто под названием “Модернизация содержания и организации образовательного процесса”» — такая новость появилась в «РР» год назад. Особенно умиляло попадание с точностью до сотых долей в число «пи», появился даже термин — «пиллиард».

Руководство ЮФУ провело экстренную пресс-конференцию, на которой сообщило, что злосчастная цифра прокралась на страницы нашего журнала из документов Министерства образования и науки, где неудачно отредактировали исходные данные. И столь огромные средства были потрачены не только на учебные программы, но и на приборы, лицензионный софт и прочие вполне разумные вещи. А журналисты «Русского репортера» подкуплены некими врагами университета.

— Вы не обижайтесь. У нас работа такая, — объясняет мне директор центра общественных связей ЮФУ Владимир Радченко. — А цифра эта получилась так: мы передали отчет в министерство, там одна чиновница

из них составила таблицу, часть данных выпала, и получилось, что три с лишним миллиарда рублей потрачены на создание двадцати методичек.

Летопись ЮФУ больше похожа на хронику финансовых скандалов, чем на историю научных открытий. Одним из самых знаменитых эпизодов стало приобретение немецкой прогулочной яхты за девять миллионов. В местной прессе поднялся шум, за проверку взялись правоохранительные органы.

— Меня попросили написать заключение: может ли эта яхта использоваться для научных целей, — рассказывает мне академик, работающий в структуре, не входящей в ЮФУ. — Я решил не подводить коллег и написал, что может. Согласитесь, даже с прогулочной яхты можно в бинокль наблюдать за дельфинами — чем не наука?!

При желании странности в расходовании средств можно находить до бесконечности. Листаю все тот же ректорский отчет за 2011 год, куда попал и список заказов университета. Обнаруживаю конкурс с изначальной ценой контракта 410 тысяч рублей на «услуги по предоставлению членства Южному федеральному университету в саморегулируемой организации с выдачей соответствующего свидетельства». Победителем оказался Ростовский филиал НП «Межрегиональный альянс строительных предприятий», который эту странную услугу ухитрился оказать за 350 тысяч рублей. Кто-то, наверное, гордится, что сэкономил вузу целых 60 тысяч.

При этом университет постоянно атакуют всевозможные проверки. В ЮФУ даже есть специально выделенная комната, предназначенная для работы контролеров из прокуратуры, Минобрнауки, Счетной палаты и прочих органов.

Но особенность отношения российских вузов к финансам заключается в том, что там, где реально воруют, проверок не боятся. Допустим, вуз объявляет, что потратил миллионы рублей на модернизацию содержания программ по теоретической педагогике, когнитивной психологии и теории этногенеза. И поди разбери, что в этих программах действительно создано нового, а где просто взяты старые тексты и все изменения свелись к добавлению слова «инновационный».

Моей компетенции хватает только на то, чтобы оценить, насколько модернизирована программа обучения журналистов. Выясняется, что у них в принципе отсутствует курс по мировой истории и некоторые студенты ни разу не слышали имя Шарля де Голля. А учебная газета выпускается с периодичностью два раза в год.

Зато там, где пытаются делать что-то нужное, можно найти основания для возбуждения уголовного дела. Допустим, в марте задерживаются федеральные деньги на выплаты стипендии. Руководство вуза, искренне заботясь о студентах, раздает средства, предназначенные для закупки приборов: железо может потерпеть, люди — нет. В мае мартовские деньги наконец приходят. Но стипендии уже выплачены, и вполне логично на эти средства закупить какой-нибудь масс-спектрометр. Однако это является жестким криминалом, и проректор рискует из профессора превратиться в уголовного.

Все испортил денежный вопрос

С начала 90-х годов российские ученые и преподаватели существовали на голодном пайке. Жили без зарплат, без реактивов, без приборов, без ремонта. Об этих кошмарах профессора еще долго будут рассказывать студентам.

Казалось, все проблемы высшего образования решаются просто: стоит начать нормально финансировать вузы, и они расцветут, словно завядший во время засухи цветок, который наконец полили. Но, похоже, деньги, скорее, разрушили университет.

Деньги становятся благом, если изначально сформулирована задача, на которую они нужны, например, группа ученых хочет сделать новый ускоритель, который будет стоить столько-то и даст результаты такие-то, или ректор вуза собирается построить университетский городок и открыть новый факультет. А когда средства идут на абстрактную «модернизацию», они из блага превращаются в проблему.

Самая главная беда, которую принес приток денег, — психологическое разложение. В ЮФУ все пространство пропитано разговорами о деньгах. Сколько получает ректор, сколько получает уборщица проректора, сколько получает соседняя кафедра, сколько стоила поездка декана на Кубу, на сколько процентов повысят зарплату, не лишат ли премии за то, что нелестно отозвался о ректоре.

— Помните, как у Булгакова, — что испортило москвичей? Квартирный вопрос. Так же и здесь, — вздыхает

доктор биологических наук Евгений Вербицкий. Он считается одним из лучших в стране специалистов по физиологии сна. Работает Вербицкий не в ЮФУ, а в Южном научном центре РАН и за происходящим наблюдает со стороны. — Мы же всей душой с университетом, мы там учились, у нас там друзья и коллеги, мы за все это переживаем. И все эти странные финансовые истории... Но давайте поговорим о взаимосвязи между сном и тревожностью, это гораздо интереснее.

По словам Вербицкого, в академических институтах зарплаты больше, чем в ЮФУ, несмотря на всю масштабность университетского проекта. Разница доходит до 30–50%. Когда создавался университет, сотрудники ожидали повышения своих доходов. Но особых перемен не произошло. Выпускник вуза, пошедший работать преподавателем, получит 5000–5200 рублей.

Буквально за две недели до моего приезда у ЮФУ появился новый ректор. Прежний, Владислав Захаревич, был отправлен в отставку под предлогом преклонного возраста. На его место была назначена Марина Боровская, которая до этого была проректором ЮФУ по экономике, а потом работала в Министерстве образования и науки.

Одним из первых ее обещаний стало повышение зарплаты с сентября. Она сообщила, что те молодые преподаватели, которые сейчас получают по пять тысяч, будут получать по десять. По идее зарплаты других сотрудников должны вырасти в той же пропорции. Вдобавок к этому запланированы надбавки «за продвижение бренда вуза» и «за сопровождение студентов и выпускников».

На следующий день после выступления ректора я рассказал об этом заявлении знакомым преподавателям — почему-то, кроме меня, никто не счел нужным сообщить им эту новость.

— Вы об этом обязательно напишите, — просят меня. — Тогда, может, и повысят. А то, когда университет создавался, тоже много чего обещалось. Но так ничего и не выполнено.

Выделенные государством миллиарды стали фактором не прогресса, а упадка на фоне низких зарплат и чудовищной бытовой неустроенности. На физическом факультете (кстати, одном из самых сильных) я обнаружил, что в мужском туалете отсутствуют унитазы и писсуары. Вместо них — обрамленная чугуном дырка в полу. В большой физической аудитории нет проектора, которым сейчас оснащены даже сельские школы. Если какой-то профессор захочет прочесть лекцию с презентацией, ему придется нелегко.

Упертая вертикаль

— У вас нет этой книги? Возьмите! — руководитель Педагогического института ЮФУ Владимир Мареев вручает мне томик средних размеров — «Высшая школа на Юге России». Он значится одним из соавторов.

На книге стоит гриф: «Издание осуществлено при поддержке гранта №1.1-2011 “Монографическое обеспечение инновационных проектов Педагогического института ЮФУ”». Университету есть чем отчитываться. Вечером в гостинице начинаю изучать. Хотя год издания 2011-й, стилистика напоминает худшие образцы 70-х. Только вместо Ленина и Маркса — текущие президенты: «Логичным и естественным итогом, венчающим поиск ответов на вопрос о природе отечественной образовательной системы, стало прозвучавшее в устах В. В. Путина новое словосочетание — “русская образовательная классика”...», «Д. А. Медведев своевременно поставил точку в затянувшейся полемике...», «Русскую модель образования, предложенную В. В. Путиным, можно рассматривать никак не иначе, как прямое признание ошибочности высказанных ранее в литературе оценок...».

Если продраťся сквозь восхваления мудрости начальства и длинные списки достижений местных университетов, то в этой книге можно найти довольно четкую идеологию. Авторы спорят с концепцией университета, предложенной в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом. Ее главные принципы: автономия от государства, академическая свобода и приоритет фундаментального знания перед сиюминутными прикладными задачами. Этот идеал считался базовым для большинства университетов мира.

Теоретики образования из ЮФУ пытаются доказать, что идеи Гумбольдта не более чем утопия, а у России очень особый путь. Наш университет должен подчиняться государству и в плане управления, и в вопросах содержания. А всякие автономии и свободы — это западные выдумки, чуждые нашему менталитету. Ничего нового в этом нет. Еще каких-то двести лет назад европейские ученые и педагоги спорили о том, что лучше: «учащая наука» или «преподающее государство». Очевидно, сейчас этот спор снова актуален.

Формально университеты у нас вполне свободны, а Южный федеральный вдобавок имеет статус автономного образовательного учреждения. Однако сверху на руководство университета сваливается огромное количество

директив, инструкций и требований отчетности. Ректорам российских вузов я бы выдавал по пять литров молока в неделю — уж больно вредная эта работа. Ведь возглавляешь государственное учреждение, и тебе в голову упирается вся вертикаль власти: надо выполнять множество инструкций и отчитываться за каждый чих.

Точно так же живут и органы внутренних дел, и налоговые инспекции. Но, в отличие от них, у университета главная задача — порождать новые идеи, воспитывать интеллектуальных бунтарей. Без этого университет превращается в техникум. В лучшем случае.

Почему художникам нельзя рисовать

— Нам надо обязательно указывать, что в числе наших выпускников был нобелевский лауреат Солженицын, это может повысить наше место в мировом рейтинге, — объясняет новый ректор своим подчиненным.

Александр Исаевич действительно учился на физико-математическом факультете Ростовского государственного университета. Но знаменитым он стал именно благодаря своему инакомыслию. А это никак не соответствует нынешнему духу ЮФУ. Диссидентов здесь не любят. Спускаясь с государственных высот, вертикаль регламентации доходит до ректора, а он продолжает ее дальше — к руководителям институтов, деканатам, кафедрам и так вплоть до рядового преподавателя и студента.

— У нас 11 400 сотрудников. Из них научно-педагогический состав — четыре тысячи. А кто остальные семь с половиной тысяч? Я буду с этим разбираться, — обещает новый ректор Марина Боровская.

Скорее всего, значительную часть этих тысяч составляют управленцы разных уровней. В том, что у университета имеется большой управленческий аппарат, нет ничего плохого. Рядом со свободными интеллектуалами должны существовать менеджеры, которые освобождают этих интеллектуалов от мирской рутины. Но, похоже, в ЮФУ все наоборот. Рутинка только увеличивается. Многие преподаватели тратят больше времени на составление отчетов и планов, чем на подготовку к занятиям.

Хороший университет должен быть очень демократичной и свободной структурой. В ЮФУ преобладает дух «ты — начальник, я — дурак».

— Мне не разрешают рисовать... — грустно признается студентка-художница с худграфа Педагогического института ЮФУ.

Оказывается, после 20.00 в будни и круглые сутки в выходные университетская мастерская закрыта, и студент не имеет права туда войти — таков приказ. А больше рисовать негде: обустройство рабочего места требует слишком много пространства и средств. В то же время в некоторых западных вузах каждый студент получает ключи от лабораторий и библиотеки, чтобы он мог поработать, когда ему вздумается, хоть ночью. ЮФУ явно не западный вуз.

Впрочем, и в хороших российских университетах атмосфера куда демократичнее. Мне вспоминается Новосибирский университет, где студенты и преподаватели придумали проект по добровольной проверке грамотности — «Тотальный диктант». Несмотря на то что первоначальный бюджет проекта составлял 0 рублей 0 копеек, он стал массовым. И когда он проходил в этом году, на первой парте сидел проректор НГУ член-корреспондент РАН Сергей Нетесов, который бок о бок со студентами и школьниками мучился над запятыми в деепричастных оборотах. Представить такое в ЮФУ практически невозможно.

Зачем нам чужие?!

В Южном федеральном непредставимо многое из того, что уже стало обычным в других местах. Одна из задач успешного университета — сманивать к себе интеллектуальные сливки со всего мира. Некоторые из наших вузов пытаются это делать. К примеру, Высшая школа экономики выиграла правительственный мегагрант и пригласила к себе работать двух самых главных мировых специалистов по социальным ценностям — Шалома Шварца и Рональда Инглхарта.

В МИСиСе, которым руководил нынешний министр образования и науки Дмитрий Ливанов, вообще наняли проректором американца — профессора Университета Северной Айовы Тимоти О`Коннора.

И это не только московская роскошь. «Университет гарантирует руководителю научного коллектива: ежемесячную зарплату в размере 5000 у.е., индивидуальный коттедж, оборудование научной лаборатории», — гласит объявление на сайте Белгородского государственного университета, который вел «охоту за головами» по всей стране и даже за рубежом.

ЮФУ вроде бы тоже проявляет внешнюю активность. Официально у него аж 542 зарубежных партнера. Но часто это лишь формальность и повод съездить в зарубежную командировку. Буквально следующей строчкой сообщается, что количество международных коллективных проектов на порядок меньше — 59. Сколько из этих проектов имеет отношение к реальной науке, оценить сложно.

Вообще от общения с руководством и преподавателями ЮФУ складывается ощущение максимальной закрытости университета. Мол, у нас свои школы, свои замечательные преподаватели — зачем нам кто-то со стороны?!

Представьте, что вы являетесь опытным практиком в какой-либо области, например редактором отдела науки в общероссийском издании. И вдруг вы прониклись любовью к университету и захотели прочесть там несколько лекций. Для начала вам надо убедить в этом администрацию, поскольку по своей инициативе университет не пригласит даже нобелевского лауреата. А потом придется оформлять большой пакет документов, куда входит даже справка об отсутствии судимости. В итоге вам заплатят 80 рублей за академический час. Я так и не понял — это с налогом или без.

Они мне не коллеги!

Идет общее собрание деканов университета. Дело происходит на мехмате — это самое приличное из современных зданий университета, оно было построено незадолго до образования ЮФУ. После образования федерального университета уже ничего серьезного не строилось, не считая нового общежития, которое пока в строй не введено.

Кабинет, где собралось все руководство, напоминает школьный класс. Сходство усугубляют стулья старого школьного образца. Докладывает ответственный секретарь приемной комиссии:

— На психфак у нас подано заявлений...

Он не успевает назвать цифру, как вскакивает с места усатый мужчина и с яростью начинает кричать:

— Сколько раз вам говорить?! Мы не психфак! Мы — факпсих! Факпсих! Неужели нельзя запомнить?!

Пытаюсь понять, в чем разница между психфаком и факпсихом. В любом случае звучит довольно двусмысленно. Но потом соображаю — в университете есть два психологических факультета: один остался от Ростовского университета, другой — от Педагогического. Важно не перепутать.

Точно так же конкурируют между собой дизайнеры из Института архитектуры и искусств ЮФУ и худграф Педагогического института ЮФУ. Я был свидетелем того, как богемного вида преподаватель из архитектурного кричал на заседании ученого совета:

— Я не понимаю, зачем нужны аналогичные программы в педагогическом! Там работают люди, которых никто не знает в дизайнерском мире. Мне жалко студентов, которые там учатся. Их надо перевести к нам!

— Не обижайте коллег, — подали реплику из зала.

— Они мне не коллеги! — возмущался богемный преподаватель.

Слияние вузов — это явный тренд последних лет. Только за последние пару лет Высшая школа экономики поглотила МИЭМ, в Псковский государственный университет влились пять вузов области, Горный университет вошел в МИСиС, Северо-Восточный университет включил в свой состав шесть вузов и научных институтов... Согласно планам Минобрнауки, слияния и поглощения будут продолжаться.

Логика в этом есть: большому вузу легче выжить. Как говорил Наполеон, «бог на стороне больших батальонов». Есть польза и в соединении педагогических университетов с классическими. Например, человек может за четыре года получить базовое образование биолога, а потом подготовиться к работе в школе, обучаясь в педагогической магистратуре. Вроде все хорошо. Только не существует никакого внятного алгоритма, позволяющего объединять разные вузы в один. Фактически Южный федеральный университет является не университетом, а конфедерацией разных институтов, ревниво следящих друг за другом.

Нет ни морального единства, ни физического. К примеру, в ЮФУ довольно сильные нейрофизиологи. Только одни из них работают в НИИ нейрокибернетики в западном районе города, другие — на кафедре биологии Педагогического института, находящейся на восточной окраине, третьи — на факультете психологии, расположенном ближе к северу. А биологический факультет вообще разместился в главном здании на

Большой Садовой. ЮФУ явно не ладит с пространством.

Университету принадлежит в Ростове огромная территория. По ней разбросаны и научные институты, и часть учебных факультетов, и общежития. Все это погружено в тот самый парк, который я описывал в начале текста, — с гаражами, бродячими собаками, помойками, базаром и какими-то непонятными избушками.

Теоретически из этого можно было бы сделать полноценный университетский городок, который стал бы интеллектуальным центром Ростова-на-Дону, благо культурный центр у этого города не очень внятный.

Мне грезится, как в кафе «У Сократа» проходят диспуты между философами и физиками, как студенты водят по музею науки экскурсии для школьников, как показывают по вечерам умные фильмы для всех желающих, как собираются горожане на открытую лекцию нобелевского лауреата, как играют в футбол профессора с абитуриентами... Денег для этого нужно не так уж и много, отнюдь не миллиарды.

Но ничего этого не происходит. В реальности есть только бродячие собаки. А на вопрос о реконструкции студенческого городка профессор кафедры градостроения ЮФУ отвечает растерянно:

— Ну да... Сейчас вроде есть проект. Мне он не очень нравится. Но у нас предложений нет, мы занимаемся другими вопросами, а на университетский городок к нам заказа не поступало...

Сохранять, сохранять и еще раз сохранять

Мне не дают покоя цифры: в ЮФУ обучаются больше 43 тысяч студентов, плюс еще 11 тысяч сотрудников. Пытаюсь это с чем-то сопоставить. Примерно столько же было в армии Александра Македонского, когда он разгромил Персидскую империю. Таким было население Парижа во времена Карла Великого. Да что там далеко ходить — ненамного больше людей выходило на московские площади во время зимних протестов. 50 тысяч человек вполне способны изменить ход истории, взорвать этот мир и создать какую-то принципиально новую сущность.

Южный федеральный университет ничего не изменил, не взорвал и не создал. Он так и остался большой неторопливой машиной по производству дипломов.

Этой весной на портале «Наука и технологии в России» появилось интервью с директором центра университетского менеджмента Высшей школы экономики Евгением Князевым. Название было обидное: «Федеральные университеты потеряли цель». По этому поводу ЮФУ тут же выпустил официальное заявление: мол, цели не теряли, а все измышления против нас — сущая клевета.

Но есть подозрение, что этой цели никогда и не было. На сайте значится: «Миссия Университета состоит в сохранении и развитии научно-образовательной и культурной среды, обеспечивающей формирование граждан, призванных наилучшим образом служить России и всему миру. Свою историческую роль Университет видит в сохранении, накоплении и приумножении нравственных, культурных и научных ценностей общества».

Пробыв в университете неделю, я начинаю понимать, что ключевое слово здесь — «сохранение», недаром оно повторяется дважды. Собственно, в этом и есть главная проблема Южного федерального университета. Он создан на основе достаточно авторитетных вузов. Подавляющее большинство регалий, которыми гордится ЮФУ, досталось ему в наследство. Тот же самый академик Минкин с огромным индексом цитируемости начал публиковаться еще в 1957 году.

Среди целей, о которых чаще всего говорит руководство университета, — стать лидером в образовательном пространстве Юга России. Звучит, конечно, вдохновляющее, но по сути это примерно то же самое, как если бы кандидат в президенты США выдвинул лозунг «Мы должны стать лидером в экономическом пространстве Северной Америки!». Такой кандидат наверняка проиграл бы. Точно так же ЮФУ, ориентируясь на локальные задачи и «сохранение», выглядит крайне провинциально.

Я покидаю Ростов, через час автобус. Напоследок отправляюсь гулять по главной улице города — Большой Садовой. Красивое здание главного корпуса университета. Пью квас и любуюсь. Прохожу чуть вперед и смотрю на торец дома. На уровне четвертого и пятого этажей висит огромный баннер: «Южный федеральный университет — университет инновационно-предпринимательского типа». По кирпичной стене ползет угрожающая трещина. Упирается она куда-то в район слова «инновационный».

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)